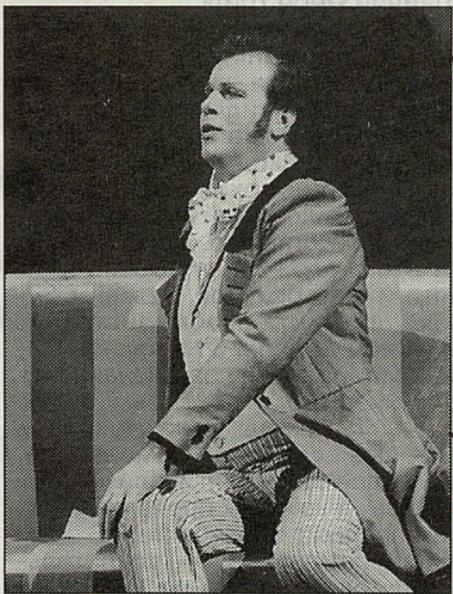

Владимир Редькин

Каждый артист в своей творческой жизни хоть раз соприкасается с героями пушкинских произведений. Мне повезло даже больше, чем любому другому певцу. И Онегин, и Томский, и Елецкий, и Мазепа, и Алеко — эти партии занимают в моем репертуаре одно из центральных мест.

В Большом театре и на других мировых сценах из пушкинских спектаклей я чаще всего пою «Евгения Онегина» и «Пиковую даму», хотя «Мазепа» и «Алеко» пусть и не так популярны, но, на мой взгляд, не менее глубоко, драматичны и неоднозначны.

Образ Евгения Онегина для меня тема совершенно особая. Я участвовал и в старой постановке, но последняя версия мне не просто ближе, это по-настоящему мой спектакль. Он ставился на мою индивидуальность. В течение года утром и вечером Борис Александрович Покровский разбирал с нами интонационно всю оперу. Объяснял, насколько важно не просто школьно и красиво спеть до боли знакомые арии, но донести глубокий романтический смысл романа Пушкина. Мне тогда казалось, что это страшно мучительно, и не нужно изо дня в день «мусолить» одно и то же. Сейчас-то я понимаю, насколько это была великая школа. Как важна в пении интонация, особенно в таких хрестоматийных произведениях, где можно быть не похожим на других исполнителей именно благодаря интонации. И так смешно слушать философские измышления зарубежных режиссеров по поводу трактовки образа Евгения Онегина, выступая за рубежом, после Покровского. Я во всех постановках всегда использую многие приемы, предложенные мне нашим оперным Мэтром.

В. Редькин — Онегин.

Пушкина нужно не просто понимать головой, его надо чувствовать каждой клеткой, а это генетическая особенность русских. Мы впитываем его поэзию практически с молоком матери и проходим с произведениями Пушкина через всю жизнь. Прошлым летом я вез в подарок знакомому очередное издание «Евгения Онегина», и, начав просто перечитывать любимые строчки, уже не мог оторваться.

Многие гениальные, да практически все пушкинские оперные образы написаны для баритона, в том числе и Борис, и Барон в «Скупом рыцаре», и даже Сальери. Если бы у меня был более глубокий драматический голос, я бы, наверное, рискнул попробовать — уж очень велико искушение. Очень жаль, что в Большом театре не идет «Мазепа», но может быть...

Большой театр, — 1999 — 3 июня